

Моск. комсомолец - 1990 - 25 окт.

В ПРИТОНЕ разнообразных удовольствий под названием «Семь грехов» — семь жанров искусства, существовавшем на веселом и шумном Одесском кинофестивале, постоянно «крутили» музыку. Это были и современные рок- и поп-ансамбли, и джазовые знаменитости, и солисты — известные и малоизвестные. Музыка существовала как фон, и все шло своим чередом, пока чей-то сильный и чистый голос в динамиках не запел «Санта Лючию». Запел — и мы словно выпали из обычной жизни, из шума и суеты фестиваля, и, да простится мне высокий стиль, сердце открылось высоким помыслом и страстью. Кто пел? Никто ответить не смог, но то светлое, чистое чувство, рожденное ярким и талантливым искусством неизвестного молодого певца, его уникальный диапазон — почти четыре октавы, запоминающийся тембр голоса, необычная, порой дерзкая манера исполнения остались в памяти надолго.

«ЗД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ГОЛОС, КОТОРЫЙ НЕ СПУТАЕШЬ С ДРУГИМ

Еще несколько лет назад парнишка из далекой провинции, а затем скромный московский дворник Сергей Пенкин не подозревал, что станет восходящей поп-звездой, будет петь в лучших концертных залах и представлять столицу на конкурсе молодых исполнителей в Юрмале. Судьба его, на первый взгляд кажется легкой и радостной, но, познакомившись ближе, я поняла, что, рассказывая о конкретном молодом певце, придется рассказать и о целом узле проблем, противоречий, тревог, сколь индивидуальных, столь и общих для всех молодых исполнителей.

Путь на песенный Олимп сегодня, как и вчера, — один: через Москву. Будь ты трижды талантлив, но, если ты живешь на периферии, мало, совсем мало шансов, что тебя услышат. Так и сходят с круга талантливые ансамбли, хорошие исполнители, интересные актеры. Пробиваются в столицу порой не талантливые, а пробиные, остальные задыхаются, начинают повторяться, выступают «нигде, кроме, как в сельпроме», зависят от вкусов местного начальства, а главное, и мечтать-то не могут о компетентной профессиональной критике, о глазах кино- и телекамер, о больших залах, хорошей аппаратуре... Централизация культуры — вещь опасная. Пишу эти строки, и перед глазами стоит маленькая, худенькая Аис Булуктаева на холодном ветру у ресторана «Интурист» в курточке, «подбитой

ветром». Я с трудом узнала в ней победительницу первого конкурса молодых исполнителей в Юрмале, певицу с сильным и красивым голосом из Калмыкии. Вот уже год, как ищет работу: «Почти все наши юрмальские ребята работают в ресторанах...». Аис пришла прослушиваться в программу вечернего шоу «Интуриста», «Вдруг хоть здесь повезет...». Аис долгое время работала в Калмыкской филармонии, «Юрмала» была ее звездным часом, она поверила в себя, почувствовала, что может больше... И так же, как Сергей, поехала в Москву, не имея ни поддержки, ни надежды на то, что кто-нибудь услышит, что удастся «пристроиться». Сергей поступил в Гнесинку, устроился дворником и стал петь сначала в ресторане «Олимп», потом в «Национале», а Аис... Я пришла с ней вместе на прослушивание в тот холодный осенний вечер. Прослушивание не состоялось, руководитель шоу-программы потребовал в первую очередь студийные записи певицы, а у Аис их нет:

у молодой певицы просто нет денег, чтобы сделать записи в дорогих частных студиях. Аис умоляла его послушать ее. Слушать он не стал: приходите в другой день. Было ясно, что это отказ... Мы шли с Аис к метро и снова вспоминали «Юрмалу». По идее, победитель такого конкурса должен бы быть всенародной звездой. Но, к сожалению, стал ею только москвич Малинин.

ОПТИМИЗМ молодости и энтузиазм — большая сила. Рано-рано утром дворник Сергей Пенкин уже приступает к своим обязанностям. Дворник он аккуратный, трудолюбивый, жильцы им довольны. Одна старушка так и сказала о нем: «Добросовестный... А что сейчас без доброй совести сделаешь? Без нее никак...». Потом мчится в свою Гнесинку на занятия. Вечером — на работу в ресторан, сначала в «Олимп», потом в «Интурист», но иногда и приглашают участвовать в концертах. Этой осенью он пел в «России» на большом концерте для учителей, в ЦДСА, в ДК ЗИЛА... И только поздно ночью возвращается он в свою крохотную комнатку в коммуналке, из-за которой, собственно, и работает дворником. Вот теперь можно спокойно поговорить и расспросить Сергея обо всем...

— Я не против рока, он, по-моему, как детская корь, которой надо переболеть, но страшно и обидно, что за роком можно пропустить хорошую, серьезную музыку — классическую, джаз, другие интересные музыкальные стили и направления. В эпоху ракет и скоростей мы все тоскуем по добрым, ностальгическим чувствам. Может быть, поэтому люблю красивые, мелодичные песни. Верю, что песни — это тоже запечатленное время. Банально? Может быть. Но в какой-то момент сам вдруг начинаешь остро понимать, что время растворено в воздухе сегодняшних песен. Время непростое. Публика привыкает читать Ходасевича и Набокова, Гумилева и Солженицына. Мы начинаем понимать, что это катастрофа, когда наше духовное национальное богатство уходит на Запад. Сколько прекрасных музыкантов уехало!

Почему я выступаю в таком странном наряде? И зачем вся эта экзотическая экипировка? Вот представьте себе коридор. Представили? Помните назначение мулеть? Правильно. Возбуждать быка, вызывать в нем желание действовать. Мой наряд тоже в какой-то мере призван эпатировать. Когда человек ни на что не реагирует: ни на гладкие, одинаковые наряды и песни, гладкие мысли, одни и те же желания, представления, все читают одно и то же, слушают одни и те же популярные шлягеры, то он, в сущности, уже ни на что не реагирует, привлекает к полному штилю.

Как думаю дальше жить? Есть сердце, есть желание петь, есть руки, надо не ждать, пока кто-то придет и поможет, самому думать, решать, работать, рано вставать, поздно ложиться, не давать притупиться мысли и совести...

Татьяна КУШТЕВСКАЯ.

Р. С. Недавно Сергей вернулся из большой гастрольной поездки в Канаду. К сожалению, в Москве он работает редко. Никто не приглашает...

Моск. комсомолец - 1990 - 25 окт.